КРАТКАЯ ПОВѢСТЬ

О ОБРАЩЕНІИ ИЗЪ РАСКОЛА МНОГОГРѢШНАГО КСЕНОФОНТА, А ПО ПОСТРИЖЕНІИ ВО ИНОЧЕСТВО КУПРІАНА, ПИСАННАЯ ИМЪ САМИМЪ, КЪ НѢКІИМЪ НАХОДЯЩИМСЯ ВЪ ТОЙЖЕ ПРЕЛЕСТИ, И ХОТЯЩИМЪ БЫТИ СЫНАМИ СВЯТЫЯ СОБОРНЫЯ И АПОСТОЛСКІЯ ЦЕРКВИ, 1792 ГОДА МАРТА 2 ДНЯ.

ГОСПОДИ БЛАГОСЛОВИ, НАУЧИ, ВРАЗУМИ, И ПОСПѢШИ.

Когда была душа моя при самой крайнѣй погибели смертной, тогда Создатель нашъ Господь Богъ своимъ милосердіемъ, щедротами и человѣколюбіемъ помилова:

А не хощетъ

не хощетъ бо смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему, и потому изволилъ помиловати и обратити грѣшную мою душу отъ заблужденія и крайнія погибели, и привести къ свѣту познанія Святыя матере Соборныя и Апостолскія церкве чудеснымъ откровеніемъ. Сего ради дерзну окаянный объявити сію страшную тайну.

Жителство мое и рожденіе было въ странахъ города Великаго Устюга, въ низъ по Двинѣ рѣкѣ сто верстъ, въ волости называемой Цывозеро, а нынѣ вновь переименованномъ городѣ Красноборскѣ, лежащемъ впрямь за Двиною рѣкою: рожденъ отъ Хрістіанскихъ родителей. Будучи во отроческомъ возрастѣ, имѣлъ я великую охоту ходить въ церковь Божію ко всякому церковному пѣнію, и слушалъ и читалъ житія святыхъ, а паче Алексія

человѣка

человѣка Божія : и поревновавъ житію Святыхъ , хотѣлъ оставить міръ , и поискать человѣка духовнаго , который бы совершенно зналъ путь спасенія , и меня тому наставилъ . Предпріявъ сіе намѣреніе , просился я у отца и матери подъ видомъ , аки бы для пріобрѣтенія богатства , а въ разумѣ было , совершенно оставить міръ : но отецъ мой и мать не согласились отпустить меня отъ себя : они говорили мнѣ , что ты де единъ у насъ , и естьли мы тебя отпустимъ , то намъ уже тебя не видать . Тогда былъ я еще не въ полномъ возрастѣ , и принужденъ былъ отъ нихъ жениться : послѣ чего отецъ оставилъ меня еще въ младыхъ лѣтахъ , и отшелъ отъ свѣта сего : а я поживши послѣ его въ той волости лѣтъ пятнадесять , и преселившись въ другую по причинѣ скудости землепашества

прелстился отъ безстудныхъ дѣвицъ въ скверное смѣшеніе, и валялся не малое время, аки свинія въ калѣ шиннѣ, и согрѣшилъ паче блуднаго, паче блудницы, паче разбойника, паче мытаря. Убилъ премножество хрістіанскихъ душъ смертоносною отравою раскольническія прелести, и вѣчное ихъ похитилъ богатство: лаялъ аки песъ, оскаля зубы, на Святую Церковь и на пречистыя Хрістовы тайны, и на пастырей и служителей церковныхъ.

Когда же послѣ сего сотворилъ Господь со мною треокаяннымъ по милости своей, и поразилъ грѣшную, мою душу страхомъ своимъ, памятію смертною и вѣчными грозными муками; шо азъ года съ два и больше не могъ слезами насытитися, и онѣ были мнѣ тогда хлѣбомъ день и нощь. Симъ Божіимъ страхомъ проникнутый, принужденъ былъ совершенно оставить міръ: но какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я пребываніе

имѣлъ

имѣлъ, даже и не слышно было человѣка духовнаго, который бы могъ наставить на истинный путь спасенія, хотя во мнѣ нестерпимое было желаніе пустыннаго житія, то тщетно искалъ я тогда такого человѣка, который бы могъ желаніе мое исполнить, и напитать алчущую душу небеснымъ хлѣбомъ. Злонамѣренные люди отступившіе отъ Святыя Церкви, и жившіе въ тѣхъ мѣстахъ по пустынямъ, познавъ мое намѣреніе, къ покаянію склонное, и бывъ научены бѣсомъ, начали приходить ко мнѣ, и ласкать во свою прелесть; а паче дядя мой двоюродный, Григорій Минычь, (который хотя еще въ то время и не отлучился вовсе отъ Святыя Церкви; однако прелесть оную издѣтска сокровенно питалъ въ себѣ, аки ядъ змiинъ.) почасту приходилъ ко мнѣ лишенному, и напоялъ

грѣшную мою душу симъ смертоноснымъ ядомъ. Увы моея душевныя погибели! Онъ лишилъ меня Божія благодати и милосердія его. О Господи, Господи, открой сію душепогибельную прелесть бѣсовскую, подъ личиною благочестія сокровенную, и покажи, какова она есть. Воистинну незнающимъ извнѣ является сладка, внутрь же зѣло горка: ибо отлучаетъ отъ Бога, и отводитъ на вѣчное мученіе. Сожалѣй Господи, о толь многочисленныхъ душахъ Хрістіанскихъ, низведенныхъ въ преисподняя мѣста адская. Но на предняя возвратимся.

Когда такимъ образомъ здѣлался я уловленъ отъ врага, тогда оставивъ домъ, жену и дѣтей, отшелъ водянымъ путемъ къ городу Архангелскому въ страны поморскія вмѣстѣ со онымъ дядею Григоріемъ: и какъ оба мы были покровены мракомъ невѣжества, и

не познавали

не познавали скрытно дѣйствующаго въ насъ яда смертнаго, то стали искать себѣ подобныхъ людей, которые хотя и сами не имѣли въ себѣ даже и малыя искры Божія благодати, однако мы надѣялись найти въ нихъ надежныхъ для себя наставниковъ. Но какъ услышали отъ нѣкіихъ, что у нихъ вѣра не едина, но многія, яко то Филиповщина, Ѳеодосіевщина, Онуфріевщина, которыя всѣ званіе имѣютъ отъ основателей сектъ ихъ, яко то Филиповщина отъ Филиппа, Ѳеодосіевщина отъ Ѳеодосіа, и проч. И всѣ они перекрещиванцы и записные расколники, какъ сами себя вездѣ показываютъ во скаскахъ, и въ прозбахъ и отпускныхъ писмахъ, и браковъ не пріемлютъ, и съ женами жить не попускаютъ. (а чего ради они между собою несогласны, о томъ писать здѣсь за излишнее почитаю.) Того ради мы отдѣлилися отъ всѣхъ ихъ съ малою братіею, и пріискали себѣ

наставнаго отца, по нашему разсужденію къ намъ склоннаго, именемъ Василія, по отцѣ Степанова, которой отлучился отъ міра, и жилъ въ пустынѣ лѣтъ сорокъ, а въ мірскомъ житіи находился лѣтъ тритцать, и былъ скопской пастухъ: и того ради наше согласіе сторонніе называли *пастуховщиною*, въ которомъ нашемъ согласіи между прочимъ строго наблюдаемо было то, чтобъ вездѣ при нужныхъ случаяхъ исповѣдовать намъ и называть себя Хрістіанами, а самихъ себя сожигать, или въ водѣ топиться, или какимъ нибудь другимъ образомъ убивать, и смерти предавать накрѣпко было запрещено, а кому нужда съ стороны придетъ, то неотмѣнно страдать.

На такомъ основаніи жили мы у города Архангелскаго, (какъ сказано въ странахъ Поморскихъ,) больше года, обучалися

обучалися тамошнимъ обрядамъ и служьбамъ между тѣмъ ходили морскимъ путемъ искать пустыннаго мѣста. А что видѣли и слышали отъ тамо живущихъ поселянъ, объ оныхъ по скитамъ и пустынямъ живущихъ расколникахъ, то скаредно предать писанію. Того ради азъ востревожился духомъ, и не восхотѣлъ тамо жити: но положилъ въ разумѣ итти во свои пустынныя мѣста, и тамо поселитися, дабы таковыхъ соблазновъ ни слышати, ниже видѣти: чего ради обратился изъ Поморья къ городу, требовалъ у отца и братiи совѣта и наставленiя, которые много мнѣ отговаривали, и отъ себя не отпущали. Когда же я усилился, тогда они видя меня несклоняющагося на ихъ совѣты, стали мнѣ говорить, чтобъ я будучи въ своихъ мѣстахъ и жителствуя или въ мiрѣ или въ пустынѣ, хранилъ ихъ преданiя, и приходящихъ

ко мнѣ

ко мнѣ съ требованіемъ ученія неотмѣнно принималъ, обращалъ и наставлялъ: притомъ запрещили страшнымъ судомъ Божіимъ, что естьли кого не пріиму, и оставлю при такой нуждѣ человѣка безъ обращенія, и онъ помретъ, то неотмѣнно за его душу отвѣчать буду на страшномъ судѣ Христовѣ: на что я и склонился, а они благословили меня по своему ихъ обряду: и тако пошелъ я во свои мѣста, а дядя мой остался у города Архангелскаго.

Пришедъ же во свою отчизну спалъ я пріискивать для жительства пристойнаго мѣста, и нашедъ уединенное и пустынное мѣсто въ разстояніи отъ жила верстахъ въ семидесяти, тамо съ однимъ тутошнимъ жителемъ посѣлился, гдѣ познавъ меня окрестныя жители, начали приходить ко мнѣ, и требовать ученія. О горе мнѣ окаянному и лишенному Божія благодати!

Я

Я простерлъ скверный языкъ мой, и многихъ оной Богомерзской прелести научилъ, и аки смертоносною отравою напоилъ такъ, что когда выходилъ я за нуждою въ жило, то люди напрерывъ ко мнѣ збѣгались. Нынѣ о семъ разсуждая, мню, что они поистиннѣ бѣсомъ научаемы были, и Богъ сердцевѣдецъ знаетъ, что я иногда не радъ сему былъ, и много укрывался, но никакъ укрыться не могъ.

По прошествіи трехъ лѣтъ житія моего во оной пустынѣ, пріѣхалъ ко мнѣ и вышепомянутый дядя мой Григорій отъ города Архангелскаго, и привезъ съ собою нѣкоего брата, именемъ Тімоѳеа: и тако уже трое стали мы жительствовать вмѣстѣ, что услышавъ окрестныя жители, начали збираться къ намъ въ большемъ числѣ нежели прежде, такъ что въ маломъ времени стараніемъ нашимъ увязло въ сѣти бѣсовской сотъ до трехъ

душъ

душѣ, какѣ мужескаго, такѣ и женскаго полу, изѣ коихѣ были нѣкоторые престарелые, и я зѣло дивился, какую жестокую жизнь препровождали они, съ какимѣ сокрушеніемѣ и слезами цѣлые нощи на молитвѣ простаивали, но при всемѣ томѣ умирали они яко грѣшники, и я самѣ погребалѣ ихѣ немедленно; ибо Богѣ видитѣ, не лгу, что естьли чрезѣ сутки не погребешѣ, то на другіе такѣ смердѣли, что едва съ нуждою приступиться можно было. Не такѣ то случалося съ православными, и Святыхѣ таинѣ по исповѣди причащавшимися, какѣ видно изѣ слѣдующаго примѣра.

Въ одно время въ мірѣ преставился крестьянинѣ, мой ближній сосѣдѣ, которой прежде былѣ жизни не Богоугодной, и нищихѣ изѣ дому изгонялѣ, но послѣ сбратился и покаялся. Какѣ же Богѣ попребовалѣ его отъити отѣ свѣта сего, то поболѣвѣ предѣ смертію

съ мѣсяцѣ

сЂ мѣсяцЂ или больше , исповѣдался и Святыхъ таинъ причастился : и такъ преставился . Мнѣ же случилось и гробъ для него здѣлать , и во гробѣ положить , но такъ благообрядно , якоже подобаетъ благочестивымъ мертвымъ умирающимъ о Господѣ : ибо былъ онъ бѣлъ, сухъ , благовидѣнъ , какъ мощи : да и другихъ я на память себѣ приводилъ , прежде того въ мірѣ преставльшихся , при погребеніи коихъ я бывалъ , и примѣчалъ , что естьли кои со исповѣданіемъ и съ пріобщеніемъ Святыхъ таинъ умирали , тѣхъ смертныя кончины и погребеніи весма благопорядочны были . Еще и такихъ случалось много видѣть , которыхъ не сподобилъ Господь Богъ праведными своими судбами исповѣди и Святаго причастія, таковыхъ кончины были весма страшны къ видѣнію . Ибо у иныхъ утробы разсѣдалися , изъ коихъ происходила такая вонь смрадная , что

неудобь